

Миронова Екатерина Юрьевна,
аспирант Байкальского государственного университета, г. Иркутск
zpu2013@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

УДК 343.131.5

Аннотация. Цель исследования — обозначить актуальные проблемы реализации норм уголовно-процессуального права, регламентирующих обеспечение права на защиту в уголовном судопроизводстве, в условиях действия ограничительных мер, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции на примере отдельных регионов Российской Федерации, а также определить пути преодоления трудностей, возникающих в данной связи в правоприменительной практике. В статье рассматриваются отдельные случаи нарушения конституционной гарантии на защиту своих прав и свобод в уголовном процессе, в частности, запрет и ограничение свиданий защитника с подозреваемым, обвиняемым, находящимся в следственном изоляторе. Проводится анализ нарушений в области реализации права на защиту, допущенных в результате неправильного толкования отдельными учреждениями системы исполнения наказания ведомственных нормативных актов, регламентирующих порядок деятельности таких учреждений в условиях распространения новой коронавирусной инфекции. Обсуждаются пути решения проблем, возникающих при реализации права на защиту в уголовном судопроизводстве в период пандемии COVID-19, а также рассматривается вопрос о разработке стратегии поведения некоторых участников уголовного судопроизводства со стороны защиты в случае ужесточения действующих и (или) введения дополнительных ограничительных мер в условиях распространения нового инфекционного заболевания.

Ключевые слова: права и свободы, право на защиту, ограничительные меры, пандемия, принципы уголовного судопроизводства, защитник, обвиняемый.

Ekaterina Y. Mironova,
Postgraduate student of Baikalsk State University
zpu2013@yandex.ru

PROBLEMS OF REALIZING THE RIGHT TO DEFENSE IN A PANDEMIC

Abstract. The purpose of the study is to outline the current problems of the implementation of the norms of criminal procedure law governing the provision of the right to defense in criminal proceedings, in the context of restrictive measures related to the spread of a new coronavirus infection using the example of certain regions of the Russian Federation, as well as to identify ways to overcome difficulties arising in this connection in law enforcement practice. The article examines individual cases of violation of the constitutional guarantee and the right to defend one's rights and freedoms in criminal proceedings, in particular, the prohibition of visits by a defense attorney with a suspect, an accused who is in a pre-trial detention center. The analysis of violations in the field of exercising the right to defense, committed as a result of misinterpretation by individual institutions of the punishment enforcement system of departmental regulations governing the operation of such institutions in the context of the spread of a new coronavirus infection. Ways of solving the problems arising in the implementation of the right to defense in criminal proceedings during the COVID-19 pandemic are discussed, and the issue of developing a strategy for the behavior of some participants in criminal proceedings on the part of the defense in the event of toughening existing and (or) introducing additional restrictive measures in conditions of the spread of a new infectious disease.

Keywords: rights and freedoms, right to defense, restrictive measures, pandemic, principles of criminal procedure, advocate, accused.

Любое явление глобального характера порождает новые условия взаимодействия людей. В 2020 г. население планеты столкнулось с масштабной проблемой распространения новой коронавирусной инфекции и невиданными ранее по охвату, а также значимости и тяжести последствий, ограничительными мерами. Пандемия диктует новые правила сосуществования членов общества, и эти правила касаются практически всех сфер жизнедеятельности.

С сожалением следует констатировать, что ограничительные меры, вводимые правительствами большинства стран мира в связи с распространением COVID-19, в первую очередь, существенным образом затрагивают права человека, включая основополагающие и незыблемые, такие как право на свободу передвижения и свободу общения, право на медицинскую помощь, образование, а иногда под угрозой оказывается гарантия на защиту прав и свобод человека.

Права и свободы человека всегда требуют внимательного, бережного и щепетильного к себе отношения, но особенно острыми являются вопросы защиты прав человека, противостоящего сфере публично-правовых отношений. Подвергаясь уголовному преследованию, лицо нуждается в защите, право на которую гарантируется Конституцией Российской Федерации [5], общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации.

Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, а также обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту относятся к числу принципов уголовного судопроизводства, действующих на всех его стадиях.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» сформулирован постулат, согласно которому обеспечение права на защиту является обязанностью государства и необходимым условием справедливого правосудия [7]. Указанное постановление Пленума Верховного Суда РФ принято в целях единообразного применения законодательства в части порядка реализации права на защиту, регламентированного УПК РФ [10].

Реализация права на защиту возможна посредством осуществления совокупности предоставляемых подозреваемому, обвиняемому процессуальных прав, причем как лично, так и с помощью защитника, законного представителя. Совершенно справедливо указание А.Ю. Зимарина на то, что совокупность предоставляемых подозреваемому и обвиняемому процессуальных прав и средств составляют институт права на защиту в уголовном судопроизводстве [4, с. 255].

Однако, несмотря на институциональный характер и значимую роль права на защиту в уголовном процессе, нарушения этого права — явление нередкое. Особенно уязвимым оно оказалось в условиях пандемии.

Частным случаем значительного и серьезного ограничения права на защиту в условиях пандемии в некоторых регионах Российской Федерации стал запрет или ограничение свиданий лица, находящегося под стражей, с защитником.

Согласно п. 3 ч. 4 ст. 46, п. 9 ч. 4 ст. 47 и п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, подозреваемый, обвиняемый вправе иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса подозреваемого, обвиняемого, соответственно, без ограничения их числа и продолжительности. Сходная норма содержится и в п. 5 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которой адвокат вправе беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей), без ограничения числа свиданий и их продолжительности [8].

Даже в условиях пандемии ограничение этого важнейшего процессуального права является недопустимым и не может быть оправдано введением особых мер, связанных с массовым распространением инфекционного заболевания.

Фигура защитника — одна из самых влиятельных в разрезе реализации принципа законности и охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Деятельность защитника способствует осуществлению важнейших процессуальных прав лица, вокруг которого происходит основное действие в виде уголовного преследования. Защитник для подозреваемого, обвиняемого — это проводник в мире правосудия; связующее звено между двумя процессуально-правовыми полюсами: с одной стороны, сфера частных интересов, где сосредоточены права и законные интересы

лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, с другой, — сфера публично-правовых отношений. Именно защитник способствует тому, чтобы два эти полюса взаимодействовали предельно эффективно.

По справедливому замечанию М.Ш. Буфетовой, защитник способствует максимальной активизации защиты, проводимой лично подозреваемым, обвиняемым и последовательному осуществлению уголовно-процессуальной функции защиты в целом [2, с. 58].

В марте 2020 г. Президент РФ объявил о введении режима самоизоляции, предполагающего существенное ограничение свободы передвижения, и принятии других ограничительных мер, таких как масочный, пропускной режимы и др. Повсеместное введение ограничительных мер коснулось всех граждан, а также предприятий, организаций, учреждений всех форм собственности. Привычный уклад жизни общества кардинальным образом изменился и привел в некотором смысле к подрыву системы прав человека и гражданина. В результате применения ограничительных мер вред нанесен важнейшим правам и свободам. Однако если человек, находящийся вне пределов мест заключения, имеет возможность защищать свои нарушенные права всеми доступными способами даже в условиях действия ограничительных мер, введенных в связи с пандемией, то у лица, находящегося под стражей, возможность защиты своих прав фактически отсутствует, при условии, что у него отнято право встречаться с защитником.

Проблема запрета и ограничения свиданий подозреваемого, обвиняемого с защитником возникла одновременно в нескольких субъектах Российской Федерации с введением ограничительных мер, связанных с распространением COVID-19. При этом если в период тотальной самоизоляции и объявления Президентом РФ «недели выходных» прекращение доступа адвокатов для встреч с их подзащитными, содержащимися в следственном изоляторе, поддается объяснению, то действие этих же мер по окончании всеобщих выходных дней является непонятным.

Как следует из обращения Президента Адвокатской Палаты Иркутской области О.В. Смирнова к Прокурору Иркутской области о недопуске адвокатов в ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Иркутской области, с 13 апреля 2020 г. был полностью прекращен доступ адвокатов для встреч с клиентами, содержащимися в следственном изоляторе. При этом факты недопуска адвокатов не были связаны с профилактическими мерами, введенными в СИЗО, а также с состоянием здоровья адвоката, в том числе наличием у него повышенной температуры. Вместе с тем карантин на территории СИЗО-1 не вводился, сотрудники органов дознания и следствия беспрепятственно посещают следственный изолятор.

В качестве правового основания для запрета свиданий защитников с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, находящимися в следственном изоляторе, сотрудниками ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Иркутской области было обозначено предостережение Прокуратуры Иркутской области от 06.04.2020, согласно которому начальству ФКУ СИЗО-1 было предписано ограничить посещение учреждений ГУФСИН России по Иркутской области представителями федеральных органов исполнительной власти, общественных наблюдательных комиссий, адвокатами и иными лицами.

Таким образом, данная формулировка прокурорского предостережения была воспринята сотрудниками учреждения, исполняющего наказание, как основание для прекращения допуска адвокатов к доверителям и предъявления явно незаконных требований о реализации права на защиту исключительно в присутствии следователя, поскольку в помещении ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Иркутской области было также размещено объявление о том, что «осуществление права на защиту адвокатами в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных в СИЗО-1 возможно только совместно с сотрудниками следственных органов» [9].

Очевидно, что приведенная редакция указанных региональных ведомственных актов противоречит конституционным положениям о гарантиях права на защиту (ст.ст. 17, 45, 46, 48 Конституции РФ), а также федеральному законодательству, а неверное истолкование сотрудниками учреждения системы исполнения наказания указанных актов привело к фактическому грубому нарушению процессуального права на защиту.

В этой связи Г. Дабижа, говоря об обеспечении права обвиняемого на защиту, указывает в числе процессуальных гарантий реализации полномочий защитника контроль за ведомственными нормативными актами, нарушающими или ограничивающими право защитника иметь свидания с доверителем [3, с. 126].

В описанном случае нарушения были устранены посредством принятия мер прокурорского реагирования. Таким образом, процедура контроля за ведомственными нормативными актами была

осуществлена уже по факту состоявшихся многочисленных нарушений и инициирована на основании обращения Президента Адвокатской Палаты Иркутской области к Прокурору Иркутской области о недопуске адвокатов в СИЗО-1 ГУФСИН России по Иркутской области.

В этой связи представляется, что контроль за ведомственными нормативными актами, регламентирующими возможность ограничения права на защиту, должен быть предварительным, а истинный смысл таких актов должен быть разъяснен соответствующим должностным лицам органов, на которых возлагается обязанность по их исполнению.

Еще одним проявлением ограничения права на защиту является запрет на общение адвоката с подзащитным наедине. Так, в г. Москве общение с защитником возможно только через стекло с помощью телефона. Эта мера принята на основании приказа Управления ФСИН по г. Москве от 20 марта 2020 № 168. Однако, как отмечает адвокат, советник Адвокатского бюро «Забейда и партнеры» С. Мальцева «это не может в полной мере обеспечить право обвиняемого на защиту, поскольку соблюсти условие конфиденциальности при таких обстоятельствах невозможно» [1].

С таким выводом нельзя не согласиться, поскольку обеспеченное в полной мере право на защиту предполагает создание всех условий для соблюдения конфиденциальности встреч обвиняемого, подозреваемого, осужденного с защитником и их общения в отсутствие посторонних лиц. Однако такое ограничение не столь значительно в сравнении с описанным выше случаем, произошедшим в СИЗО-1 в Иркутской области.

На практике возникают и другие проблемы, связанные с реализацией защитником профессиональной деятельности в уголовном судопроизводстве. Например, в некоторых регионах были отмечены попытки отправить приезжих адвокатов на двухнедельный карантин, введенный кое-где на местах. Однако Президент Федеральной палаты адвокатов Ю. Пилипенко отмечает, что в Татарстане был создан важный прецедент: удалось добиться официального разъяснения, что на адвокатов, приехавших выполнять свою работу, данные ограничения не распространяются [6].

Следует отметить, что разрешение указанной ситуации в положительном ключе для защитников и их доверителей абсолютно обоснованно и благоразумно, ведь в противном случае адвокат вынужден был бы пребывать на карантине, в то время как сроки производства по уголовному делу не приостанавливаются, требуется своевременное осуществление следственных действий с участием адвоката, а также необходим сбор предметов и документов, которые могут стать доказательствами стороны защиты.

Кроме того, нарушение и ограничение норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих возможность подозреваемого, обвиняемого иметь свидания с защитником, влечет за собой целый ряд нарушений других процессуальных прав наиболее уязвимых участников уголовного судопроизводства со стороны защиты. Ведь если у подозреваемого, обвиняемого ограничена либо вообще отсутствует возможность встреч с защитником, то фактически нереализуемыми остаются и иные его процессуальные права.

Представляется, что пути преодоления указанных трудностей, в общем, очевидны и практически реализуемы. Защитникам следует незамедлительно обжаловать любые нарушения и ограничения собственных процессуальных прав и процессуальных прав их доверителей. Причем задействовать в этом случае необходимо все доступные для обжалования инстанции, а также о любых нарушениях сообщать в Адвокатскую палату соответствующего субъекта Российской Федерации и по возможности предавать их максимальной огласке. Такой подход в разрешении трудностей адвокатской практики зарекомендовал себя как самый действенный и результативный.

Ввиду того, что действие ограничительных мер только набирает силу и эпидемиологическая ситуация с распространением коронавирусной инфекции в отдельных регионах и в целом по стране непредсказуема и изменчива, защитникам совместно с доверителями следует разработать индивидуальную стратегию поведения в случае ужесточения действующих и (или) введения дополнительных ограничительных мер в условиях распространения нового инфекционного заболевания. Главное, подзащитные и обвиняемые должны быть морально подготовлены к возможным трудностям в осуществлении права на защиту в создавшейся ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адвокаты и коронавирус: работа в условиях пандемии [Электронный ресурс] // Право RU. URL: <https://pravo.ru/story/220666> (Дата обращения: 12.10.2020).

2. Буфетова М.Ш. Проблемы реализации права на защиту в современном уголовном судопроизводстве // Глаголь правосудия. 2016. № 2 (12). С. 56-59.
3. Дабижа Т.Г. Процессуальные гарантии реализации полномочий адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 125-132.
4. Зимарин А.Ю. О необходимости права на защиту на стадии предварительного расследования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. С. 255-256.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 14.03.2020) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
6. Куликов В. Защита без помех [Электронный ресурс] // Российская газета: столичный выпуск. 19.05.2020. № 106 (8160). URL: <https://rg.ru/2020/05/19/s-kakimi-problemami-v-rabote-stolknulis-advokaty-vo-vremia-pandemii.html> (Дата обращения: 12.10.2020).
7. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29 // Российская газета. 2015. № 150 (6721). 10 июля.
8. Об адвокатской деятельности и адвокатуре: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
9. Обращение Президента Адвокатской Палаты Иркутской области к Прокурору Иркутской области о недопуске адвокатов в СИЗО-1 «О фактах воспрепятствования адвокатской деятельности в ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Иркутской области» [Электронный ресурс] // Сайт Адвокатской палаты Иркутской области. URL: <http://www.advpalata-irk.ru/index.php?module=news&act=read&id=861> (Дата обращения: 09.10.2020).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.